

Покаянная риторика Игоря Святославича

© А. А. ПАУТКИН,
доктор филологических наук

В статье рассматриваются риторические приемы покаянной речи Игоря Святославича, содержащейся в составе так называемой Киевской летописи 1198 года.

Ключевые слова: летопись, покаянная речь, Игорь Святославич, риторика.

830 лет назад, в мае 1185 года, потерпел поражение от половцев новгород-северский князь Игорь Святославич. Неудачный поход князей Ольговичей в степи отражен не только в «Слове о полку Игореве», но и в более традиционных в жанровом и стилевом отношении летописных текстах. Их обычно используют в качестве исторического комментария к «Слову». Обессмертив участников похода 1185 года, выдающийся памятник подчинил себе эти летописные повествования. Из двух видов существующих свидетельств, сохраненных Лаврентьевской (1377 г.) и Ипатьевской (нач. XV в.) летописями, в литературном отношении наиболее интересна южно-русская повесть, читающаяся в так называемой Киевской летописи 1198 г. из состава Ипатьевского свода.

Летописи, сыгравшие важную роль в становлении и развитии книжности средневековой Руси, создавались и жили по особым законам, обладали своеобразной поэтикой. Важной чертой летописного повествования стало обилие прямой речи. Уже на ранних этапах русского летописания встречаются фрагменты, богатые примерами передачи

различных видов устного высказывания. Южнорусская повесть о походе Игоря Святославича на половцев, безусловно, может быть отнесена к таким текстам. Ей свойственна особая живость в фиксации различных речевых актов.

Следует отметить, что слова участников описываемых событий, включившиеся в повествование как прямая речь, имеют несколько уровней аутентичности. Высшая степень достоверности характерна для так называемых дипломатических речей. Здесь имелась изначальная установка на точность передачи княжеского высказывания, которое средневековый посланец должен был повторить для другой стороны, участвовавшей в переговорах. Достоверными лишь отчасти могли быть, например, речи воинские, обращенные предводителем дружин к участникам похода или битвы. Тут летописец верно передавал лишь вдохновляющий героический пафос и краткую афористичность высказываний.

Еще один уровень – слова, передающие общий смысл, главную идею. Сюда могут быть отнесены коллективные высказывания участников какого-либо совета, мнения дружины, бояр, жителей города и т.д. (например, *рекоша новгородци*). И, наконец, самый «вольный» способ передачи демонстрируют фрагменты летописного текста, предлагающие читателю явно вымышленные предложения, когда летописец «говорит» за своего героя. Это молитвы, покаянные речи, внутренние монологи, вложенные книжником в уста того или иного исторического деятеля.

В описании похода 1185 года встречаются практически все перечисленные виды прямой речи. Но особое внимание обращает на себя покаянная речь Игоря Святославича. Этот отрывок повести не может претендовать на точность передачи слов новгород-северского князя. Перед нами всецело плод литературных усилий талантливое летописца. Тут ярко отразилось стремление книжника не только подробно показать и по-своему объяснить происшедшее, но и, насколько это возможно, проникнуть в область душевных переживаний предводителя русских воинов. На протяжении своего рассказа летописец двенадцать раз передает слова Игоря. И все речи князя по-своему эмоциональны. Помимо этого, фиксируются высказывания и реплики дружинников, приближенных, других князей – участников похода и даже половецких ханов.

Покаянной речи отводится важное место в композиции всей повести. Раненый предводитель русских дружин схвачен врагами. Он видит гибель своих воинов и уже не может как-либо повлиять на ход сражения, предотвратить окончательный разгром. Безымянный автор заставляет Игоря вспомнить свои прегрешения, неблагоприятные поступки в ходе междоусобиц. Новгород-северский князь сам называет причины обрушившихся на него несчастий, раскаивается в содеянном и тем самым смиряет свою гордыню. На пороге неизвестности и плена Игорь говорит

о божественной каре, постигшей его в половецких степях. Но в этом раскаянии летописец видит и залог грядущих перемен в судьбе героя.

Изысканность литературной формы речи, вложенной в уста Игоря, – свидетельство ораторских способностей создателя повести. Почти вся речь состоит из сменяющих друг друга риторических фигур. Князь, выражая раскаяние, называет все совершенное им при «взятии на щит города Глебова» (то есть, разграблении. – *А.П.*). Здесь использован шестикратный повтор перечислений различных видов «разлучений» родных и близких: «Тогда бо не мало зло подъяша безвиннии хрестьяни отлучаеми *отец от рожении* своих, *брат от брата*, *друг от друга* своего, и *жены от подружии* своих, и *дщери от матери* своих и *подруга от подругы* своя» [1].

Летописец достигает большой силы эмоционального воздействия на читателя, отмечая безвинность страданий именно христиан от рук своих же единоверцев. Здесь проявляется одна из особенностей, на которую в свое время обратил внимание Д.С. Лихачев: «Если для нового времени с его личностным сознанием пленение – это, прежде всего, потеря личной свободы, то для раннеколлективистского сознания XI–XII вв., пленение – это, прежде всего, разлука и одновременно потеря родины» [2].

Далее в речи Игоря следует фигура двойного противопоставления – типа катахрезы: «Живии мертвымъ завидять, а мертвии радовахуся аки мученици святеи огнемъ от жизни сея искушение приемши». В древнейшей известной на Руси переводной поэтике – статье Георгия Хиробоска «Об образех» из «Изборника» Святослава 1073 года этот троп назван «напотребие». Здесь же встречается, говоря словами Хиробоска, «сотворение» (уподобление) – «аки мученици святеи». Сама по себе эта фигура весьма распространена в памятниках древнерусской литературы. Характерно, что жертвы штурма и разорения города сравниваются со святыми эпохи раннего христианства, принявшими огненную смерть, о которых повествовалось в византийских мартириях (то есть мученических житиях).

Затем летописец вновь прибегает к противопоставлению (по возрасту и полу) и одновременно четырехкратному риторическому повтору: «*Старце* поревахуться *уноты* же лютыя и немилостивыя раны подъяша, *мужи* же пресекаеми и расекаеми бывають, *жены* же оскверняеми и та вся створив аз». Словосочетание «лютыя и немилостивыя раны» и «мужи же пресекаеми и расекаеми», по терминологии Хиробоска, следует отнести к «изобилию» (то есть плеоназму). Этот же прием использован во фразе: «Яко много *убиство* *кровопролитие* створих». Перечисление прошлых деяний Игоря заставляет вспомнить и еще об одном поэтическом приеме – гиперболе. Благодаря нагнетанию ужасных подробностей, картина конкретного военного злодеяния воспринимается как всеобъемлющий образ пагубной междоусобицы. Заметим при этом,

события, упомянутые в речи Игоря, вообще не нашли своего отражения в других текстах. Создатель речи беспощаден к своему герою. Но в этом самообличении кроется авторское сочувствие к наказанному и раскаявшемуся грешнику.

На отдельных образах и самой горестной тональности речи Игоря могло сказаться влияние «Откровения» Мефодия Патарского, апокрифического сочинения, популярного на Руси уже в ранний период христианизации. В пользу такой догадки говорит подобие некоторых риторических фигур (например, парное перечисление страдальцев) и небольшие текстовые соответствия из разных списков: «И тогда начнут живые мертвым завидовати», «и блажити начнут мертвые» [3]. Вероятность обращения летописца к этому памятнику подтверждает половецкая тема в повести Ипатьевской летописи. В сообщении «Повести временных лет» о набеге половцев под 1096 годом как раз встречается пространная ссылка на «Откровение». Эсхатологическое «Откровение» способствовало утверждению на Руси так называемой теории казни Божьих, в соответствии с которой божественная кара насылается на людей за грехи и безудержное самовластие. Именно так и понимает причины своих бед Игорь Святославич, покоряясь Божественному суду: «Се возда ми Господь по базаконию моему и по злобе моеи на мя и снидоша днесь греси мои на главу мою. Истинен Господь, и прави суди его зело».

Построенные по всем правилам красноречия, покаянные слова Игоря содержат целую серию риторических вопросов, основанных на анафоре. С их помощью перечисляются утраты в результате поражения, нанесенного Игорю половцами: «недостойно ми бяшетъ жити и се ныне вижю отместь от Господа Бога моего. Где ныне возлюблены мои *брат*? Где ныне *брата моего сын*? Где *чадо* рожения моего? Где *бояре* думающеи? Где *мужи* храборьствующие? Где *ряд полчьнии*? Где *кони* и *оружья* многоценная?». Мир война, гордящегося устроенностью и совершенством подвластной ему силы, рухнул. Страдает полководец, брат, отец и инициатор похода. Список утрат и картина разгрома подчинены строго выстроенной официальной логике.

Сегодня трудно представить, чтобы в реальных обстоятельствах отец не сразу вспомнил о «чаде», четырнадцатилетнем отроке, впервые оказавшемся в боевой обстановке. Отцовские чувства здесь не столь важны. Все подчинено этикету, социальной иерархии. Князя упоминают в строгой последовательности (от старшего к младшему). Затем идут бояре, простые дружинники и, наконец, упоминаются конкретные материальные утраты. Оружие и кони тоже составляют вожеленную для кочевников добычу.

Покаянная речь невелика по объему, в современном издании она занимает около полстраницы. И тем не менее, несмотря на то, что этот

текст не является самостоятельным произведением ораторского искусства, а представляет собой лишь элемент сложной структуры воинского повествования, его можно рассматривать в контексте ораторской прозы Древней Руси. Безымянный автор, создавший этот страстный монолог, – знаток книжной риторики, мастерски владеющий ее приемами. Трудно ответить на вопрос: был ли летописец конца XII в. действительно читателем переводной поэтики Георгия Хиробоска, опирался ли он в своем творчестве на этот свод поэтических фигур? Или же он превзошел науку витийства опосредованно, усваивая на практике приемы известных проповедников. Некоторые исследователи полагают, что, обдумывая образный строй полного раскаяния и горя самообличения Игоря Святославича, древнерусский книжник учитывал и форму плача, хотя, конечно, в тексте явно превалирует иная книжная традиция.

Игорь готов принять смерть, разделить участь своих воинов. Он признает себя виновником поражения («азь единъ повиньный»), его раскаяние глубоко и искренне. Заключительные фразы речи представляют собой молитвенное обращение к Богу: «Но, владыко Господи Боже мои, не отрини мене до конца, но яко воля твоя, Господи, тако и милость нам, рабом твоим». Да, «все смятено пленом и скорбью», однако остается надежда на прощение и милость высших сил к раскаявшемуся. Древнерусский книжник подводит читателя к последующим поворотам в судьбе новгород-северского князя. За падением грядет спасение. Так, литературно украшенный монолог удельного князя второй половины XII века по воле безымянного автора обретает определенное дидактическое начало.

Литература

1. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 643-644.
2. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 52.
3. Памятники отреченно русской литературы. Собраны и изданы Николаем Тихонравовым (Приложение к сочинению «Отечественные книги древней России»). М., 1863. Т. II. С. 257, 277.

МГУ им. М.В. Ломоносова